

Дик Фрэнсис

ДЬЯВОЛЬСКИЙ
КОКТЕЙЛЬ

Дик Фрэнсис
Дьявольский коктейль

«Азбука-Аттикус»

1972

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Фрэнсис Д.

Дьявольский коктейль / Д. Фрэнсис — «Азбука-Аттикус», 1972

ISBN 978-5-389-21815-4

Дик Фрэнсис (1920-2010) — один из самых именитых английских авторов, писавших в жанре детектива. За свою жизнь он создал более 30 бестселлеров, получивших международное признание. Его романы посвящены преимущественно миру скачек — Фрэнсис знал его не понаслышке, ведь он родился в семье жокея и сам был знаменитым жокеем. Этот мир полон азарта, здесь кипят нешуточные страсти вокруг великолепных лошадей и крупных ставок в тотализаторах, здесь есть чем поживиться мошенникам. С того момента, как киноактер Линк получает наследство в Южноафриканской республике, его начинают преследовать загадочные несчастные случаи. Осознав, что кто-то желает его смерти, Линк пытается опередить таинственного убийцу.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21815-4

© Фрэнсис Д., 1972
© Азбука-Аттикус, 1972

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дик Фрэнсис
Ставка на проигрыш
Расследование
Перелом
Дьявольский коктейль

SMOKESCREEN

Copyright © 1972 by Dick Francis

This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского Анны Хромовой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© А. С. Хромова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

* * *

*Джейн и Кристоферу Колдри —
с благодарностью*

Глава 1

Я обливался потом. Мне хотелось пить. Было жарко, неудобно, и устал я до того, что готов был взорваться в любую минуту.

Я цинично подводил итог своим горестям.

Горести были немалые, с какой стороны ни взгляни.

Я сидел за рулем сделанной по индивидуальному заказу обтекаемой спортивной машины, брошенной игрушки сына нефтяного шейха. Я провел в этой машине большую часть трех предыдущих дней. Впереди простиралась выжженная солнцем равнина. На горизонте виднелись буро-лиловые горы. Шли часы, а горы оставались все на том же месте, потому что «спешиал», способный делать сто пятьдесят миль в час, не двигался с места.

Как и я. Я мрачно созерцал прочные наручники из нержавеющей стали, которыми были скованы мои запястья. Одна моя рука просунута в баранку, другая – снаружи, так что я оказался прочно прикован к рулю, а стало быть, и к машине.

Плюс еще ремни. «Спешиал» не заводится, пока ремни безопасности не застегнуты. Ключа в зажигании не было, но тем не менее я сидел, надежно пристегнутый двумя ремнями: один – поперек живота, другой – наискосок через грудь.

Я не мог даже поднять ноги – в спортивных машинах ноги просовываются далеко вперед, – чтобы попытаться сломать руль. Я уже пробовал. Я был слишком высок и не мог согнуть колени. Да к тому же баранка была не из пластика. Пластик в принципе сломать несложно. Но люди, которые заказывают себе такие дорогие игрушки, не ставят пластиковых рулей. Баранка была стальная, обтянутая кожей, нерушимая, как Монблан.

Я был по горло сыт этой машиной. Все мышцы ног, спины и рук протестовали против неудобной позы. Нарастающая тяжесть в голове перешла в ощутимую боль.

Надо было сделать еще одну попытку освободиться, хотя из опыта предыдущих бесчисленных попыток я уже знал, что это невозможно.

Я вытянулся, напрягся, пытаюсь порвать ремни. Я боролся, пока по лбу не заструился свежий пот, – и, как и прежде, ни на миллиметр не приблизился к свободе.

Я измученно откинул голову на мягкий подголовник и повернулся лицом к открытому окну, справа от меня.

Закрыв глаза. Солнечные лучи били мне в лицо, плечо и шею со всей жестокостью трех часов пополудни в июле, на тридцать седьмом градусе северной широты. Я чувствовал, как солнце печет мне левое веко. Мой лоб прочертили морщины отчаяния и боли, у губ залегла горькая складка, мускул на щеке дернулся, я сглотнул, прощаясь с надеждой...

И неподвижно застыл в ожидании.

Пустынная равнина хранила безмолвие.

Я ждал.

Наконец Ивен Пентлоу с явной неохотой крикнул: «Стоп!» – и операторы отодвинулись от видеокамер. Ни ветерка. Разноцветные зонтики, укрывавшие операторов с их аппаратурой, были совершенно неподвижны. Ивен энергично обмахивался графиком съемок, создавая движение воздуха, о котором природа не позаботилась. Прочие участники съемочной группы, прятаясь в тени переносных зеленых полистироловых навесов, лениво пришли в движение. В такую жару шевелиться никому не хочется. Звукооператор снял наушники, повесил их на спинку стула и принялся не спеша возиться с рукоятками своей звукозаписывающей системы «Награ». Милосердные электрики вырубili софиты, которые жарили не хуже солнца.

Я посмотрел в объектив маленького «Аррифлекса», который стоял в шести футах от моего правого плеча и запечатлевал все поры на моей потной физиономии. Оператор Терри

промокнул шею пыльным платком, а Саймон занес очередные номера кадров в протокол, предназначенный для монтажной лаборатории.

Большая камера «Митчелл» с кассетой на тысячу футов снимала то же самое под другим углом. Ее оператор, Лакки, усердно избегал встречаться со мной глазами с самого завтрака. Он думал, что я на него злюсь за то, что вчерашняя пленка оказалась засвеченной. Хотя Лакки клялся, что он тут ни при чем. А я всего-навсего попросил его – довольно мягко, если принимать в расчет обстоятельства, – чтобы таких случайностей больше не было. Вряд ли я выдержу еще несколько дублей эпизода 623.

С утра мы сняли шесть дублей этого эпизода. Правда, с небольшим перерывом на ланч.

Ивен Пентлоу извинялся – громко, часто и во всеуслышание, – говоря, что нам придется снимать, пока я не сделаю все как надо. Его точка зрения на то, как надо это делать, менялась через каждые два дубля, и, хотя я почти точно выполнял все его подробнейшие указания, Ивен все еще не сказал, что на сегодня хватит.

Любой из членов съемочной группы, приехавшей на юг Испании делать съемки на местности, знал о враждебности, которая кроется за натянутой любезностью, с какой обращался ко мне Ивен и с какой отвечал ему я. Я слышал, что наши уже заключают пари на то, долго ли я продержусь.

Девушка, у которой хранился драгоценный ключ от наручников, медленно выбралась из-под самого дальнего зеленого навеса, под которым, развалившись на подстеленных полотенцах, сидели ассистенты режиссера, гримерша и костюмерша. К шее девушки липли влажные пряди волос. Она открыла дверцу машины и сунула ключ в замочную скважину наручников. Наручники были того образца, что используется в британской полиции, и замок у них не с храповиком, а с винтом, притом довольно тугим, так что девушка с трудом проворачивала ключ.

Девушка посмотрела на меня с опаской – она знала, что я могу вот-вот взорваться. Мне наконец удалось растянуть губы в улыбке. Девушка с облегчением поняла, что орать на нее я не собираюсь, и на радостях сняла наручники в момент.

Я отстегнул ремни безопасности и пошатываясь выбрался из машины. На улице, пожалуй, было градусов на десять прохладнее.

– Садитесь обратно! – скомандовал Ивен. – Нужно сделать еще один дубль!

Я сделал глубокий вдох – воздух был раскаленный, точно в Сахаре, – и сосчитал про себя до пяти. Потом сказал:

– Я схожу в фургон выпить пива и зайти в туалет, а следующий дубль мы будем делать, когда я вернусь.

Про себя я с усмешкой подумал, что это еще не повод выплачивать ставки. Всего лишь небольшой подземный толчок. До настоящего извержения еще далеко. Интересно, позволят ли мне тоже принять участие в пари?

Прикрыть мой «минимоук» брезентом, чтобы он не грелся на солнце, никто и не подумал. Я забрался в малолитражку, стоящую позади самого большого навеса, и выругался: кожа сиденья обожгла мне зад через тонкие хлопчатобумажные брюки. На баранке можно было яичницу жарить.

Брюки были закатаны по колено, и на ногах у меня красовались шлепанцы. Это создавало довольно странный контраст с официальной белой рубашкой и темным галстуком, которые были на мне сверху, но «Аррифлекс» берет меня в кадр только до колен, а «Митчелл» вообще до пояса.

Я не спеша поехал на «моуке» в лощинку в двухстах ярдах оттуда, где стояли полукругом наши фургоны. Машину я поставил под жалкой карикатурой на дерево – оно таки давало какую-никакую тень, все лучше, чем оставить машину накаляться на солнце, – а сам пошел в фургон, служивший мне раздевалкой.

Внутри работал кондиционер. Холодный воздух обдал меня, точно душем. Это было чудесно. Я ослабил галстук, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, достал из холодильника банку пива и устало плюхнулся на диван.

Ивен Пентлоу изо всех сил старался отплатить мне за старое, и, увы, помешать ему я ничем не мог. Прежде мне довелось с ним работать только один раз. Для него это был первый фильм, для меня – седьмой. К концу съемок мы друг друга уже терпеть не могли. И то, что потом я отказывался принимать участие в фильмах, снимать которые должен был он, дела отнюдь не улучшило. Это помешало Пентлоу снять пару фильмов, которые он надеялся сделать хитами.

Ивен был любимчиком тех критиков, которые полагают, что актеры не могут играть, пока режиссер не объяснит им во всех подробностях, что делать. Ивен не упускал ни единой мелочи. Он любил, чтобы о его фильмах говорили: «Последняя работа Ивена Пентлоу», и добивался этого, внушая легковверным, что эти фильмы полностью созданы его, и исключительно его талантом. Не важно, насколько опытен актер, – Ивен ничтоже сумняшеся объяснял ему все, что следует делать. Ивен не обсуждал, как сыграть тот или иной эпизод, с какой интонацией произнести ту или иную реплику. Он давал указания.

Он «поставил на место» уже не одного актера с большим именем. Теперь все упоминания о них сводились к замечаниям типа: «Первоклассная актриса мисс такая-то прекрасно вписалась в предложенный Пентлоу образ...» А тех, кто, подобно мне, не желал «вписываться» в заранее уготованные рамки, Пентлоу на дух не переносил.

Нет, Ивен, конечно, был выдающимся режиссером. У него было потрясающее зрительное воображение. Большинству актеров действительно нравилось работать с ним: гонорары были высокие, и фильмы Пентлоу никогда не залеживались на полках. Только упрямые бескомпромиссные ослы вроде меня полагали, что девять десятых работы в фильме ложится все же на плечи актера.

Я вздохнул, допил пиво, зашел в уборную и вернулся к своему «моуку». Аполлон по-прежнему неистовствовал в медном небе, как сказал бы любитель классической поэзии.

Первоначально режиссером боевичка, который мы сейчас снимали, был тихий и вежливый интеллигент, начинавший прикладываться к рюмочке еще до завтрака и скоропостижно скончавшийся в десять утра – хватил лишку виски. Случилось это в выходные, которые я провел в одиночестве, бродя по холмам Йоркшира. А вернувшись во вторник к съемочной группе, узнал, что новым режиссером назначили Ивена и что он уже начал натягивать поводок.

Предстояло доснять еще примерно восьмую часть фильма. Меня Ивен встретил исполненной яда улыбочкой.

Я обратился с протестом к менеджеру. Меня погладили по головке, но толку вышло мало.

– Все прочие режиссеры этого масштаба заняты... Вы же понимаете, мы не можем рисковать финансами спонсоров – в наши-то тяжелые времена... Будьте реалистом... Да, Линк, конечно, я знаю, что обычно вы с ним не работаете, но ведь это чрезвычайная ситуация, черт возьми! В вашем контракте на этот счет ничего не говорится, я проверял. Ну, на самом деле мы, видимо, рассчитывали на ваше добродушие...

– И на то, что я получаю четыре процента от прибылей? – сухо перебил я.

– Н-ну... – Менеджер прокашлялся. – Конечно, с нашей стороны напоминать об этом было бы ошибкой, но раз уж вы сами первый заговорили... Да.

Это меня позабавило, и я наконец сдался, но дурные предчувствия не покидали меня: нам еще предстояли съемки на местности, в машине. Я заранее знал, что работать с Ивеном будет непросто. На что я не рассчитывал, так это на то, что его поведение будет граничить с садизмом.

Я резко затормозил позади навеса и накрыл «моук» брезентом, чтобы машина не накалялась. Отсутствовал я минут двенадцать, но, когда я обогнул навес, Ивен уже извинялся перед

операторами за то, что я их задерживаю и заставляю себя ждать на жаре. Терри только рукой махнул – я прекрасно видел, что он едва успел вставить в «Аррифлекс» новую пленку, которую достал из холодильника. Спорить никто не стал. На такой жаре – сотня градусов в тени¹ – сил не осталось ни у кого, кроме Ивена.

– Хорошо, – отрывисто сказал Ивен. – Линк, в машину! Сцена шестьсот двадцать три, дубль десять. И давайте, черт возьми, сделаем его как следует!

Я промолчал. Из предыдущих девяти дублей три оказались засвеченными. Остались сегодняшние шесть. И я, как и все прочие, понимал, что Ивен мог прекрасно использовать любой из них.

Я сел в машину. Сделали еще два дубля.

Ивен и тогда ухитрился с сомнением покачать головой. Но главный оператор сказал ему, что свет становится чересчур желтым и новые дубли не пойдут, потому что не будут соответствовать отснятому ранее материалу. Ивен сдался только потому, что не нашелся, что возразить. Спасибо Аполлону.

Команда принялась собираться. Девушка вяло подошла и сняла наручники. Двое разно-рабочих принялись закутывать «специал» мешковиной и брезентом. Терри с Лакки начали снимать камеры с треног и упаковывать их в футляры, чтобы увезти с собой.

Народ по двое, по трое потянулся к фургонам. Я подвез Ивена на своем «моуке», не сказав ему по пути ни слова. Из соседнего городишки Мадроледо приехал автобус с двумя ночными сторожами. Автобус – это, конечно, громко сказано: старая аэропортовская колымага с большим количеством места для оборудования и минимумом комфорта для пассажиров. Компания обещала заказать роскошный туристский автобус с кондиционерами, но вместо роскошного автобуса нам дали эту развалюху.

Отель в Мадроледо, где жила вся съемочная группа, был примерно того же уровня. Удобства, которые мог предоставить нам маленький городок внутри страны, почти не посещаемый туристами, привели бы в ужас даже самого неприхотливого оператора, но менеджерам пришлось поселить нас здесь – они утверждали, что лучшие отели на побережье, в Альмерии, заняты сотнями американцев, снимающих эпический вестерн на соседнем клочке пустыни.

На самом деле этот фильм, при всех его сложностях, нравился мне куда больше, чем предыдущий – нудная картина про альпинистов, где мне приходилось целыми днями висеть на утесах, пока меня поливали сверху водой из ведер, создавая искусственный ливень. Жаловаться на жестокое обращение было бесполезно: в конце концов, я ведь начинал как каскадер, так что мне и холод, и жара должны быть нипочем. Так что давай лезь на скалу или садись в машину – и подумай о том, сколько бабок ты припасешь на потом, на то время, когда тебе придется лечиться от артрита. Не беспокойся, ничего серьезного с тобой не случится, никто этого не допустит – выплаты по страховке очень высокие, и к тому же почти все фильмы с моим участием окупаются в первый же месяц после выхода на экраны. Милые люди эти менеджеры! Вместо зрачков – знаки доллара, а вместо сердца – кассовый аппарат...

Остуженная и отмытая, съемочная группа собралась перед обедом в помещении, которое в Мадроледо считается американским баром. А на равнине, в теплой ночи, ждал меня закутанный в брезент «специал», освещенный стерегущими прожекторами. Завтра к вечеру или, самое позднее, послезавтра мы должны закончить съемки кадров, где мне придется сидеть за рулем. Если Ивен не выдумает причин заново отснять эпизод 623, останутся только эпизоды 624 и 625 – «Помощь идет!». Эпизоды 622 и 621 – герой приходит в себя и осознает, что попал в ловушку, и кадры, снятые с вертолета, – были уже готовы. Вертолет кружит над машиной, и камера показывает голую пустыню, потом «специал» посреди нее и скорчившуюся фигурку человека за рулем. Это должны были быть начальные кадры фильма, на фоне которых пойдут

¹ По Фаренгейту; около 39° по Цельсию.

титры. А основная история того, как герой дошел до жизни такой, будет рассказана позднее, в ретроспекции, одним большим обратным кадром.

В баре Терри и главный оператор вели бессвязную беседу о фокусных расстояниях, запиная каждую мудрую мысль глотком «Сангрии». Главный оператор, называемый еще ведущим, по имени Конрад, мягко похлопал меня по плечу и сунул мне в руку почти холодный стакан. Мы все успели полюбить этот местный напиток – терпкое красное вино со льдом, с добавлением фруктов.

– Держи, дорогуша. Жажду эта штука утоляет изумительно, – сказал Конрад и, не переводя дыхания, продолжил реплику, обращенную к Терри: – А он взял восемнадцатимиллиметровку с широким объективом, ну и, разумеется, потерял все напряжение эпизода.

Конрад говорил с уверенностью человека, у которого в буфете хранится «Оскар», и ко всем, начиная с председателей жюри и кончая последним разнорабочим, обращался «дорогуша». Благодаря звучному басу и роскошным висячим усам Конраду удалось достичь статуса «персоны» в глазах тех, кто мыслит такими категориями. Но за броской внешностью скрывался острый ум профессионала, который раскладывал течение жизни на двадцать четыре кадра в секунду и окрашивал мир во все цвета радуги.

– «Бил Фильмс» больше не даст ему работы, – сказал Терри. – Он ведь однажды отснял в Аскоте две тысячи футов пленки без восьмьдесят пятого фильтра. А следующая скачка в Аскоте должна была состояться только через месяц, и им пришлось выплачивать компенсацию...

Терри был лысый сорокалетний толстячок. Он давно оставил честолюбивую мечту сделаться главным оператором, чтобы его имя писали в титрах крупными буквами, и удовлетворился тем, что остался просто надежным и опытным оператором, постоянно занятым на съемках. Конрад любил работать с ним.

К нам присоединился Саймон. Конрад и ему сунул стакан с «Сангрией». Саймон исполнял обязанности подручного при Терри. Он держался куда менее уверенно, чем следовало бы в его двадцать три года, и временами бывал наивен до такой степени, что невольно приходилось задумываться о замедленном развитии. Его работа состояла в том, чтобы щелкать хлопушкой перед каждым дублем, записывать тип и количество отснятой пленки и заправлять свежую пленку в кассеты.

Терри сам учил его заправлять кассеты. Вся штука в том, чтобы намотать пленку на катушку в полной темноте, на ощупь. Сначала этому учатся, наматывая ненужную пленку в освещенной комнате, и тренируются до тех пор, пока не смогут сделать это с закрытыми глазами. Когда Саймон научился делать это безупречно, Терри поручил ему намотать несколько катушек уже по-настоящему. И только после долгого съемочного дня лаборатория обнаружила, что вся пленка засвечена.

Похоже, Саймон сделал все, как его учили: намотал пленку с закрытыми глазами. А свет в лаборатории не погасил.

Саймон отхлебнул розового вина и сообщил как нечто из ряда вон выходящее:

– Ивен велел написать «В печать» на всех катушках, которые мы сегодня отсняли!

Он, видимо, ожидал, что все удивятся. Никто не удивился.

– Но послушайте, – с негодованием воскликнул Саймон, – если первые дубли были достаточно хорошие, чтобы их печатать, какого ж черта он велел отснять так много?

Никто не отозвался, кроме Конрада. Конрад посмотрел на Саймона с жалостью и сказал:

– Печатай, дорогуша. Печатай все.

Хотя печатать должен был вовсе не Саймон.

Помещение бара было просторным и прохладным, с толстыми белеными стенами и полом, выложенным коричневой плиткой. Днем здесь было довольно уютно, но днем мы тут бывали редко. А вечером бар выглядел чересчур суровым из-за ослепительных ламп дневного

света, которые какая-то не слишком чуткая душа развесила под потолком. Когда солнце зашло и включили свет, четыре девушки, лениво восседавшие за столиком, прихлебывая из полупустых бокалов «Баккарди» с лаймовым соком и содовой, приобрели зеленоватый цвет лица и сразу постарели лет на десять. Мешки под глазами у Конрада стали отбрасывать густые тени, а подбородок Саймона бесцеремонно вылез вперед.

Еще один длинный вечер, точно такой же, как и девять предыдущих. Несколько часов болтовни и сплетен, перемежаемых рюмочками бренди, сигарами и обедом в испанском духе. Мне даже текст на завтра зубрить было не надо: все мои реплики в эпизодах 624 и 625 ограничивались разнообразными хрипами и стонами. Господи, как хорошо будет вернуться домой!

Обедать мы отправились в небольшой обеденный зал, такой же негостеприимный, как бар. Я очутился между Саймоном и девушкой с наручниками, в дальней трети длинного стола, за которым мы рассаживались как попало. Всего нас было человек двадцать пять – в основном техперсонал, за исключением меня и еще одного актера, игравшего мексиканского крестьянина, который должен был прийти мне на помощь. Съёмочная группа была урезана до минимума, и наше пребывание здесь должно было быть как можно короче. Дирекция вообще собиралась снимать сцены в пустыне в Пайнвуде или, по крайней мере, в каком-нибудь засушливом уголке Англии. Но прежний режиссер настоял, чтобы на экране появилась настоящая жара. Упокой, господа, его душу.

На дальнем конце стола одно место пустовало.

Ивена не было.

– Пошел звонить, – сказала девушка с наручниками. – Он, по-моему, висит на телефоне с тех самых пор, как мы вернулись.

Я кивнул. Ивен почти каждый вечер разговаривал с менеджером, хотя обычно недолго. Видимо, возникли какие-то проблемы.

– Как хорошо будет вернуться домой! – вздохнула девушка. Для нее это была первая работа на местности. Она так мечтала об этой поездке – и разочаровалась. Жарища, скукота и никаких развлечений. Джил – ее на самом деле звали Джил, но Ивен с самого начала звал ее Наручники, и теперь большая часть группы подражала ему – задумчиво покосилась на меня и спросила: – А вы как думаете?

– Да, – ответил я ровным тоном.

Конрад, сидевший напротив, громко хмыкнул:

– Наручники, дорогуша, это нечестно! Имейте в виду, если вы станете его подзуживать, ваша ставка будет объявлена недействительной.

– Я не подзуживаю! – обиженно ответила девушка.

– Вы недалеко от этого.

– И сколько же народу участвует в пари? – саркастически спросил я.

– Все, кроме Ивена, – весело признался Конрад. – Ставки растут!

– И многие потеряли свои деньги?

Конрад хихикнул:

– Большинство, дорогуша! Сегодня днем.

– А вы?

Конрад прищурился и склонил голову набок:

– Вы легко взрываетесь, но обычно не из-за себя.

– Видите ли, он не может ответить на ваш вопрос, – объяснила Джил. – Это тоже против правил.

Но это был уже четвертый фильм, над которым я работал вместе с Конрадом, так что, можно считать, он мне все сказал.

Ивен наконец пришел. Решительно прошагал к своему стулу, сел и принялся деловито хлебать черепаховый суп. Решительный и сосредоточенный, он не отрывал глаз от тарелки и

либо не слышал, либо не желал слышать общих фраз Терри, осторожно пытавшегося завязать беседу.

Я задумчиво смотрел на Ивена. Сорокалетний, жилистый, среднего роста, агрессивно-энергичный. Непокорные черные курчавые волосы, лицо, на котором, казалось, каждая мышца исполнена решимости, яростные и горячие карие глаза. В тот вечер его глаза смотрели в никуда, словно Ивен прокручивал в голове какие-то видения. Бурная мыслительная деятельность отражалась в напряжении всех мускулов. Ивен судорожно стискивал ложку и сидел прямо, точно аршин проглотил.

Не нравилась мне его вечная напряженность. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Она всегда пробуждала во мне иррациональное желание поступить наперекор тому, на чем он так настаивает, даже если его идеи были вполне разумны. А сегодня он явно был на взводе, и во мне пробудилась антипатия равной силы.

Ивен быстро расправился с паэльей, которую подали следом за супом, и решительно отодвинул пустую тарелку.

– Итак... – начал он.

Все умолкли, готовясь слушать. Ивен всегда говорил громко, голосом, звенящим от внутренней энергии. Невозможно было находиться в одной комнате с ним и не слушать его.

– Как вам известно, фильм, который мы снимаем, называется «Человек в машине».

Да, это нам известно.

– И как вам известно, машина фигурирует почти в половине уже снятых эпизодов.

Это мы тоже знали, и куда лучше его, поскольку участвовали в съемках с самого начала.

– Так вот... – Ивен сделал паузу и оглядел стол, привлекая общее внимание. – Я поговорил с продюсером – он согласен... Я хочу перенести акценты. Изменить все впечатление от фильма. Теперь в нем будет не один обратный кадр, а несколько. Они будут перемежаться эпизодами в пустыне, и каждый такой эпизод должен будет создавать впечатление, что дни идут и герой теряет силы. Спасения, как такового, не будет. Так что, Стивен, – он посмотрел на второго актера, – боюсь, это означает, что ваша роль выпадает вообще. Но разумеется, обещанный гонорар вам все равно выплатят.

Он снова обратился ко всей съемочной группе:

– Те миленькие сценки воссоединения с девушкой, которые снимались в Пайнвуде, мы выкинем. Фильм завершится кадрами, противоположными тем, что идут вначале. То есть сперва машина крупным планом с вертолета, потом она постепенно удаляется и наконец становится лишь точкой на равнине. В самом конце появится крестьянин, который идет по гребню холма, ведя под уздцы осла. И каждый зритель сможет сам для себя решить, спасет ли крестьянин героя или пройдет мимо, не заметив его.

Ивен прокашлялся. В зале царило молчание. Все внимательно слушали.

– Конечно, это означает, что нам придется гораздо дольше проработать здесь, на местности. По моим расчетам, мы пробудем тут еще около двух недель, может быть, больше, поскольку придется сделать гораздо больше эпизодов с Линком в машине.

Кто-то застонал. Ивен яростно глянул в ту сторону. Недовольный немедленно заткнулся. Высказаться вслух решился один только Конрад.

– Хорошо, что я буду за камерой, а не перед ней! – лениво заметил он. – Линк уже вымотался.

Яковырял вилкой два последних куска курятины, не видя тарелки. Конрад смотрел на меня в упор – я чувствовал его взгляд. И не только его. Все уставились на меня. Мое актерское мастерство заставило их дожидаться, пока я прожевал еще один кусок, запил его глотком вина и наконец посмотрел на Ивена.

– Хорошо, – сказал я.

По группе пробежал легкий ропот. Я осознал, что они все сидели затаив дыхание и ждали скандала века. Но если оставить в стороне мои собственные чувства, следовало признать, что с точки зрения киноискусства Ивен прав. Он был бесчеловечен, но его профессиональному инстинкту я доверял. А ради того, чтобы снять хороший фильм, я готов был пойти на многое.

Мое согласие изумило и в то же время подстегнуло режиссера. Видения хлынули из него таким мощным потоком, что он едва успевал облекать их в слова.

– Там должны быть рыдания... потрескавшаяся кожа... солнечные ожоги... жуткая жажда... мускулы и связки, дрожащие от напряжения, точно скрипичные струны, руки, скрюченные от бесплодных усилий... муки отчаяния... и ужасающая, давящая, оглушительная тишина... а ближе к концу – постепенное разрушение человеческой психики, так что, даже если его спасут, он никогда уже не будет прежним... И каждый, кто увидит этот фильм, уйдет измученным, выжатым, как лимон, и унесет с собой картины, которые он запомнит навсегда.

На физиономиях операторов была написано: «Все это мы уже слышали». Девушка-гримерша делалась все задумчивее. Похоже, один только я представлял, как все это будет выглядеть изнутри. Меня пробрала дрожь, как будто мне предстояло умирать по-настоящему, а не просто делать вид. Как глупо! Я встряхнулся, отмахиваясь от иллюзии, что все это относится ко мне лично. Чтобы хорошо сыграть, надо именно играть, а не жить в картине.

Ивен сделал паузу и уставился на меня, ожидая ответа. Если я не хочу, чтобы он подмял меня под себя, пора предложить что-то свое...

– Крики, – спокойно заметил я.

– То есть?

– Крики, – повторил я. – Поначалу он будет кричать. Звать на помощь. Кричать от ярости, от голода, от страха. Орать во всю глотку.

Глаза Ивена расширились. Он понял, что я прав.

– Да... – сказал он и глубоко вздохнул, точно в транс. – Да!

Огонь, пылавший у него в мозгу, поуспокоился и перешел в более продуктивный жар, не мешающий трезвым расчетам.

– Вы это сыграете? – спросил он.

Я понимал, что он спрашивает вовсе не о том, согласен ли я кое-как отыграть положенные эпизоды, а о том, вложу ли я в них душу. Законный вопрос – после всего, что было сегодня. «Сыграю!» – подумал я. Я постараюсь сделать этот фильм шедевром. Но ответил я небрежно:

– Зритель обрывается.

Ивен скривился. Ничего, ему полезно. Прочие расслабились и снова вернулись к беседе. И все же некое скрытое возбуждение осталось. Это был лучший вечер со времени нашего приезда сюда.

Мы провели в пустыне еще две недели. Работенка была та еще, но зато прилизанный боевичок в конце концов превратился в событие. Фильм понравился даже критикам.

Все четырнадцать дней я был безукоризненно сдержан. Конрад угадал верно – и сорвал банк.

Глава 2

Когда я вернулся, августовская Англия показалась мне удивительно зеленой и прохладной. Я забрал в Хитроу свою машину, «БМВ» серийного выпуска, темно-синюю, с обыкновенным случайным номером, и поехал на запад, в Беркшир, чувствуя себя свободным как ветер.

Четыре часа дня.

Я еду домой.

Я обнаружил, что все время беспричинно улыбаюсь. Как пацан на каникулах. Летний вечер, и я еду домой.

Дом был средних размеров, наполовину старый, наполовину новый, выстроенный на пологом склоне холма рядом с деревней в верховьях Темзы. Из дома открывался вид вниз, на реку и на закат. К дому вела дорожка без указателя. Большинство гостей проезжали мимо, не заметив ее.

Поперек дорожки валялся велосипед. На клумбе, наполовину заросшей сорняками, – лопатка и пара тяпок. Я остановил машину у гаража, глянул на запертый парадный вход и пошел на зады.

Я увидел всех четверых прежде, чем они заметили меня. Словно в окошко. Двое мальчишек играли в бассейне черно-белым пляжным мячом. Рядом с бассейном стоял немного выгоревший зонт, и под ним на надувном матрасе лежала девчушка. На солнышке сидела на коврик, обняв колени, молодая женщина с коротко подстриженными волосами.

Один из мальчишек поднял голову и увидел на другом конце лужайки меня.

– Эй, глядите! – крикнул он. – Папа вернулся!

И окунул брата.

Я, улыбаясь, направился к ним. Чарли отлепила зад от коврика и неторопливо пошла мне навстречу.

– Привет, – сказала она. – Осторожно, я в масле.

Она подставила губы для поцелуя и коснулась моего лица внутренней частью запястья.

– Господи, что ты с собой сотворил? Худющий, как щепка!

– В Испании было жарко, – сказал я. Мы вместе подошли к бассейну. Я сорвал с себя галстук и скинул рубашку.

– А ты не сильно загорел.

– Да, не очень... Я большую часть времени просидел в машине.

– Ну что, все нормально?

Я сделал гримасу:

– Время покажет... Как ребята?

– Прекрасно.

Меня не было целый месяц. А можно подумать, что я уехал вчера. Папа вернулся домой с работы...

Питер лег пузом на край бассейна, выполз на берег и зашлепал ко мне.

– Чего ты нам привез? – осведомился он.

– Питер! Я же тебе говорила... – в отчаянии сказала Чарли. – Будешь попрошайничать, вообще ничего не получишь!

– На этот раз – почти ничего, – сказал я. – Мы были за много миль от всех приличных магазинов. Кстати, убери-ка свой велосипед с дорожки.

– Ну во-от! – протянул Питер. – Не успел приехать, уже ругаешься!

Он пошел за дом, даже спиной ухитряясь выражать протест.

Чарли рассмеялась:

– Я так рада, что ты вернулся!

– Я тоже.

– Пап, смотри! Смотри, чего я умею, пап!

Я послушно посмотрел, как Крис перекувырнулся вокруг мяча и вынырнул с торжествующей улыбкой, протирая глаза и ожидая похвалы.

– Здорово! – сказал я.

– Смотри еще, пап!

– Погоди минутку.

Мы с Чарли подошли к зонтику посмотреть на дочь. Пятилетняя девочка с каштановыми волосами, хорошенькая... Я присел рядом с матрасом и пощекотал ей животик. Она хихикнула и широко улыбнулась.

– Как она?

– Как обычно.

– Взять ее искупаться?

– Мы с ней уже купались утром... но ей очень нравится купаться. Так что, пожалуй, лишний раз не повредит.

Чарли присела на корточки.

– Папа вернулся, маленькая! – сказала она. Но для Либби, нашей младшей, слова почти ничего не значили. После десяти месяцев ее умственное развитие продвигалось черепашьям шагом. Трещина в черепе. Питер, которому тогда было пять лет, однажды взял ее из коляски, чтобы отнести в дом. Он хотел помочь. Чарли, которая как раз шла, чтобы забрать девочку, увидела, как Питер споткнулся и упал. И Либби ударилась головкой о каменную ступеньку террасы – это было еще на старой лондонской квартире. Ребенок был оглушен, но через пару часов доктора решили, что с ней все в порядке.

Недели три спустя девочку вдруг начало тошнить, а потом она тяжело заболела. Доктора сказали, что у основания черепа образовалась крохотная трещинка, через которую проникла инфекция, и у девочки начался менингит. Но девочка выжила. Мы были так рады, что не обратили внимания на осторожные, завуалированные предупреждения врачей: «Не стоит удивляться, если развитие ребенка несколько задержится...» Еще бы не задержаться – она же столько проболела! Но ведь она скоро оправится, не правда ли? И мы отмахнулись от уклончивых намеков и незнакомого выражения «замедленное развитие».

В течение следующего года мы узнали, что это значит. И перед лицом этого чудовищного несчастья узнали многое и о самих себе. До этого наш брак медленно катился к распаду, сотрясаемый благополучием и успехом. Но горе постепенно сплотило нас снова. Мы наконец-то осознали, что действительно важно, а на что можно наплевать.

Мы оставили шумиху, прихлебателей, тусовки и перебрались в деревню. В конце концов, оба мы были родом оттуда. «Так лучше для детей», – говорили мы, чувствуя, что так будет лучше и для нас.

Состояние Либби больше не вызывало у нас горя и ужаса. Это была просто часть жизни. Мы смирились с этим и приняли все как есть. Мальчики обращались с Либби добродушно, Чарли – с любовью, я – с нежностью. Девочка редко болела и казалась довольной жизнью. Могло быть гораздо хуже.

Научиться не обращать внимания на реакцию посторонних было куда труднее. Но за столько лет мы с Чарли привыкли не думать об этом. Ну и что, что Либби до сих пор не говорит, плохо ходит, пачкается, когда кушает, и не умеет себя вести! Она наша дочка, и все!

Я зашел в дом, переоделся в плавки и взял Либби с собой в бассейн. Она потихоньку училась плавать и совсем не боялась воды. Я держал ее поперек туловища, и она весело бультыхалась, шлепала меня по лицу мокрыми ладошками, лепетала «папа», обвивала мою шею ручонками и висела на мне, как пиявочка.

Через некоторое время я передал девочку Чарли, чтобы она ее вытерла, и принялся играть с Питером и Крисом в нечто вроде водного поло. Минут через двадцать я пришел к выводу, что даже Ивен Пентлоу не столь зануден.

– Еще, пап! – ныли они. – Что, ты уже вылезает? Ну па-ап!

– Все! – твердо сказал я, уселся на коврик рядом с Чарли и принялся вытираться.

Пока я разбирал вещи, Чарли уложила ребят, и я читал им сказки, пока она готовила ужин. Вечер мы провели вдвоем. Ели цыпленка, смотрели по телевизору старое кино (тех времен, когда я еще не снимался). Потом запихнули посуду в мойку и пошли баиньки.

Кроме нас, в доме никто не жил. Четыре раза в неделю из деревни приходила женщина помочь с уборкой. Была еще нянька-пенсионерка, которая оставалась с Либби и мальчишками, когда нам надо было уехать. Такой порядок завела Чарли. Я женился на спокойной, умной девушке, которая выросла в практичную, деловитую и, к собственному удивлению, очень домашнюю женщину. С тех пор как мы уехали из Лондона, в ней появилась какая-то новая сила, которую я определил бы как безмятежность. Она, конечно, могла выйти из себя и устроить не меньше шуму, чем я сам, но в глубине души она была тверда и надежна, как скала.

Я знал, что многие мои коллеги полагают, будто моя жена – серенькое ничтожество, а моя домашняя жизнь – сплошная скука. И с нетерпением ждут, когда же я наконец сорвусь с цепи и примусь охотиться на блондинок. Но у меня было очень мало общего с тем суперменом, которого я играл во всех фильмах. Это моя работа, и я добросовестно ее выполняю, но дома я другой.

Чарли уютно примостилась рядом со мной под пуховым одеялом и положила голову мне на грудь. Я провел рукой по ее обнаженному телу, ощутив колыхание в глубине живота и слабую дрожь в ногах.

– Хорошо? – спросил я, целуя ее в макушку.

– Очень...

Мы занимались любовью просто, без особых изысков, как всегда; но благодаря тому, что меня месяц не было дома, это было прекрасно, захватывающе, неопишимо хорошо. То, ради чего стоит жить... «Вот она, основа всего, – подумал я. – Что еще нужно человеку?»

– Фантастика! – блаженно вздохнула Чарли. – Просто сказка!

– Напомни, что надо заниматься этим пореже.

– От долгого хранения качество улучшается! – рассмеялась Чарли.

– Угу... – Я зевнул.

– Слушай! – сказала она. – Я тут сегодня утром, пока Крису лечили зубы, читала в приемной у дантиста один журнальчик. И там, в колонке «Наша почта», было письмо от дамы, у которой толстый лысый муж средних лет. Он ей совсем не нравится, и она просила совета по поводу своей сексуальной жизни. И знаешь, какой совет они ей дали? – По голосу было понятно, что она улыбается. – «Представьте, что вы спите с Эдвардом Линкольном!»

– Глупости какие! – Я снова зевнул.

– Ага... На самом деле мне хочется написать и спросить, какой совет они дали бы мне.

– Наверно, посоветовали бы представить, что ты спишь с толстым лысым мужиком средних лет, который тебе совсем не нравится.

Чарли хихикнула:

– Может, лет через двадцать так оно и будет!

– Добрая ты!

– Всегда пожалуйста!

И мы погрузились в блаженный сон.

У меня был конь, стиплер. Он стоял в процветающей конюшне милях в пяти от нашего дома, и, бывая дома, я частенько отправлялся туда и выезжал вместе со всеми на утреннюю

поездку лошадей. Билл Треккер, энергичный тренер, не очень одобрял владельцев, желающих ездить на собственных лошадях, но со мной мирился, на тех же основаниях, что и конюхи: во-первых, мой отец был главным конюхом на конюшне в Ламборне, а во-вторых, я и сам когда-то зарабатывал на жизнь верховой ездой, хотя на скачках не выступал.

В августе на конюшне работы немного, но через пару дней после возвращения я все же отправился на Холмы. Новый сезон скачек с препятствиями только-только начался, и большую часть лошадей, включая мою, до сих пор гоняли по дорогам, чтобы укрепить ноги. Билл великодушно позволил мне взять одного из лучших барьеристов, чье первое выступление должно было состояться недели через две. Я очень ценил возможность поехать не просто так, а с пользой для дела и стряхнуть пыль с единственного искусства, которое было у меня врожденным.

Ездить верхом я научился раньше, чем ходить, и с детства собирался стать жокеем. Но судьба оказалась жестока ко мне: к семнадцати годам я вымахал до шести футов, и к тому же во мне не было той особой искорки, которая нужна, чтобы выступать на скачках. Осознать это было очень болезненно. Сниматься в кино казалось мне тогда скучным второсортным занятием.

Даже смешно вспомнить.

Холмы. Простор, ветер, чистый воздух. Удивительная, почти первозданная красота, если не считать электростанции на горизонте и дальнего рева автострады. Мы поехали шагом, рысью, по сигналу перешли на легкий, потом на быстрый галоп, потом снова проехали шагом, чтобы дать лошадям остыть. Все было классно.

Я остался позавтракать с Треккерами, а потом выехал на своей собственной лошади со второй группой. Мы двигались по шоссе, и я вместе со всеми прочими конюхами ругался на машины, которые не трудились притормаживать, проезжая мимо. Я немного расслабился в седле и улыбнулся, вспомнив хриплые вопли отца: «Выпрямись, остолоп! Локти не растопыривай!»

Ивен Пентлоу и Мадроледо были где-то в другом мире...

Когда я вернулся, мальчишки шумно ссорились из-за того, чья очередь опробовать необъезженные роликовые коньки, а Чарли пекла торт.

– Привет! – сказала она. – Хорошо проехался?

– Классно!

– Замечательно... Тебе никто не звонил, кроме Нериссы... Слушайте, вы, заткнитесь наконец! Мы сами себя не слышим!

– Но сейчас моя очередь! – взвыл Питер.

– Если вы оба не заткнетесь, я вам уши пообрываю, – пообещал я.

Заткнулись. Я никогда не приводил в исполнение этой страшной угрозы, но сама идея им не нравилась. Крис немедленно подхватил коньки и смылся из кухни. Питер с приглушенными воплями кинулся за ним.

– Эти мне дети! – вздохнула Чарли.

Я отщипнул сырого теста и получил по рукам.

– А чего хотела Нерисса?

– Она хочет, чтобы мы приехали к ней на ланч. – Чарли помолчала, держа в воздухе деревянную ложку. Капли шоколадной глазури падали в тесто. – Она была какая-то... ну... странная немножко. Не такая энергичная, как обычно. В общем, она хотела, чтобы мы приехали сегодня...

– Сегодня! – воскликнул я, глянув на часы.

– Ну да, я ей сказала, что мы не сможем, потому что ты вернешься не раньше двенадцати. Она спросила, можем ли мы приехать завтра.

– А из-за чего такая спешка?

– Не знаю, дорогой. Она просто просила приехать как можно быстрее. Пока ты не свяжешься с очередными съемками.

– Следующие съемки у меня начнутся только в ноябре.

– Ну да, я ей так и сказала. Но она все равно очень настаивала. Поэтому я сказала, что мы с удовольствием приедем завтра, если только ты будешь свободен. Если нет, я обещала перезвонить после обеда.

– Интересно, что ей надо? – сказал я. – Мы с ней уже сто лет не виделись. Наверно, стоит поехать, как ты думаешь?

– Да, конечно.

И мы поехали.

Хорошо все-таки, что будущее предвидеть нельзя!

Нерисса была для меня чем-то средним между тетушкой, крестной и опекушкой. Настоящих тетушек, крестных и опекушек у меня не водилось. У меня была мачеха, которая любила исключительно своих собственных деточек, и вечно занятый отец, которого мачеха постоянно пилила. Нерисса, державшая трех своих лошадей на конюшне, которой правил мой отец, одаривала меня сперва конфетками, потом фунтовыми купюрами, потом добрыми советами и под конец, годы спустя, сделалась моим хорошим другом. Не то чтобы мы были близкими друзьями – просто поддерживали теплые отношения.

Она ждала нас, заранее приготовив хрустальные стаканчики и графин сухого шерри на серебряном подносе, в летней гостиной своего дома в Котсволде. Услышав, что слуга впустил нас в прихожую, она встала, чтобы нас поприветствовать.

– Проходите, проходите, мои дорогие, – сказала она. – Как я рада вас видеть! Шарлотта, тебе очень идет желтый цвет... Ах, Эдвард, как ты похудел!

Она стояла спиной к солнечному свету, лившемуся в широкое окно, из которого открывался самый прелестный пейзаж в Глостершире. И только когда мы подошли, чтобы поцеловать ее в щеку, мы обнаружили, как ужасно она переменялась.

В последний раз, когда мы виделись с Нериссой, это была милая женщина лет пятидесяти с хвостиком, с молодыми голубыми глазами. Энергия ее казалась неистощимой. Ходила она, будто пританцовывая, а голос ее звенел весельем. Она принадлежала к одной из лучших, наиболее родовитых аристократических семей, и в ней всегда чувствовалось то, что мой батюшка коротко именовал «порода».

И вот всего за три месяца силы ее иссякли и глаза потускнели. Блеск волос, танцующая походка, смеющийся голос – все исчезло. Теперь она выглядела лет на семьдесят, и руки у нее тряслись.

– Нерисса! – в ужасе воскликнула Чарли. Она, как и я, испытывала к Нериссе нечто большее, чем простую привязанность.

– Да, дорогая. Да, – успокаивающе сказала Нерисса. – Присядь, пожалуйста, и пусть Эдвард нальет тебе шерри.

Я разлил душистый светлый напиток по трем стаканчикам, но Нерисса свой даже не пригубила. Она сидела в золотом парчовом кресле, в голубом платье с длинными рукавами, спиной к солнцу, так что лицо ее оставалось в тени.

– Как там ваши мартышки? – спросила она. – Как милая малютка Либби? Эдвард, дорогой, худоба тебе совсем не к лицу...

Она искусно поддерживала беседу, с интересом выслушивая наши ответы и не давая нам времени спросить, что с ней-то такое.

В столовую она перешла опираясь на палку и на мою руку. Чересчур легкий ланч, явно рассчитанный на слабые силы Нериссы, оставил меня голодным. Потом мы так же медленно вернулись в гостиную выпить кофе.

– Эдвард, дорогой, можешь закурить. В буфете есть сигары. Ты же знаешь, как я люблю запах табачного дыма... А теперь тут почти никто не курит.

Я подумал, что не курят здесь, скорее всего, из-за того, что она больна. Но если она так хочет – что ж, я закурю; хотя курил я редко и обычно только по вечерам. Сигары были хорошие, но чуточку пересохшие от времени. Я закурил, она с наслаждением вдохнула дым и улыбнулась:

– Как хорошо!

Чарли налила кофе, но Нерисса снова почти не стала пить. Она уселась в то же кресло, что и прежде, и скрестила свои изящные ноги.

– Так вот, дорогие мои, – спокойно сказала она, – к Рождеству я умру.

Мы даже не попытались возразить. Это было слишком похоже на правду.

Нерисса улыбнулась нам:

– Какие вы умницы оба! Никаких дурацких криков, обмороков, ахов-охов...

Она помолчала.

– Прицепилась ко мне какая-то глупая хворь, и, говорят, сделать ничего нельзя. На самом деле, если я так ужасно выгляжу, то это именно из-за лечения. Поначалу-то было не так плохо... но мне пришлось пройти курс рентгенотерапии, а теперь еще эти ужасные таблетки – от них-то мне хуже всего.

Она снова улыбнулась.

– Я пыталась их уговорить прекратить все это, но вы ведь знаете, эти врачи... Пока они думают, что могут что-то сделать, они от тебя не отстанут. Неразумно, не правда ли? Во всяком случае, вас, дорогие мои, это беспокоить не должно.

– Но вы хотите, чтобы мы для вас что-то сделали? – предположила Чарли.

– Откуда ты знаешь, что у меня на уме? – удивилась Нерисса.

– Ну... вы просили приехать срочно, а вы ведь, должно быть, знаете о своей болезни уже не первую неделю...

– Эдвард, какая умница твоя Шарлотта! – сказала Нерисса. – Да, я хочу... я хотела попросить Эдварда, чтобы он сделал для меня одну вещь.

– Пожалуйста! – сказал я.

Нерисса сухо улыбнулась:

– Погоди соглашаться, сперва выслушай.

– Ладно.

– Это имеет отношение к моим лошадям. – Она помолчала, склонив голову набок. – Они показывают очень плохие результаты.

– Но ведь в этом сезоне они еще не участвовали в скачках! – изумился я.

У Нериссы было два стиплера, стоявших на конюшне, в которой я вырос. После смерти отца я не поддерживал отношений с тамошними владельцами, но знал, что в прошлом сезоне каждый из них – из стиплеров, разумеется, – выиграл по паре скачек.

Нерисса покачала головой:

– Нет, Эдвард, не стиплеры. Другие мои лошади. Пять жеребчиков и шесть кобылок, участвующих в гладких скачках.

– В гладких?! Ох, извините. Я и не знал, что у вас есть такие лошади.

– В ЮАР.

– А-а! – Я посмотрел на нее немного растерянно. – Я плохо разбираюсь в южноафриканских скачках. Извините, пожалуйста... Я хотел бы быть вам полезен, но я знаю слишком мало, чтобы хотя бы предположить, отчего ваши лошади плохо выступают.

– Эдвард, как ты мил! Сразу видно, ты очень огорчен, что не можешь мне помочь. Не печалься, можешь. Если захочешь, конечно.

– Скажите ему, что надо делать, и он сделает, – ответила за меня Чарли. – Для вас, Нерисса, он готов на все.

Это была правда. Тогда и при тех обстоятельствах. То, что Нерисса явно при смерти, заставило меня осознать, скольким я ей обязан. Не столько за что-то конкретное, сколько за постоянную заботу обо мне, сознание того, что я ей небезразличен. Для подростка, росшего без матери, это было очень много.

Нерисса вздохнула:

– Я писала своему тамошнему тренеру на этот счет, и он, похоже, очень озадачен. Он не знает, почему мои лошади проигрывают. Все прочие его лошади выступают нормально. Но письма идут так долго... В наше время почта работает из рук вон плохо, что тут, что там. И я подумала, дорогой Эдвард, что если бы ты мог... то есть я понимаю, что прошу очень много... но если бы ты мог уделить мне неделю своего времени, чтобы съездить туда и выяснить, что происходит, я была бы тебе очень признательна.

Наступила небольшая пауза. Даже Чарли не поспешила сказать, что я, конечно, поеду, хотя было уже ясно, что я поеду, осталось только выяснить, когда и куда именно.

– Понимаешь, Эдвард, – продолжала Нерисса, – ты ведь так хорошо разбираешься в скачках! Ты знаешь, как ведутся дела на конюшнях и все такое прочее. Если с ними что-то не так, ты ведь сразу это заметишь, верно? А потом, ты умеешь расследовать всякие тайны...

– Чего? – удивился я. – В жизни ничего не расследовал!

Нерисса только отмахнулась:

– Ты умеешь разгадывать загадки. От тебя ничто не укроется.

– Нерисса, – с подозрением спросил я, – вы что, насмотрелись моих фильмов?

– Да, конечно! Я их почти все видела.

– Нерисса! Но ведь это же не я. Все эти детективы-супермены – это всего лишь роли!

– Эдвард, дорогой, не валяй дурака! Ты не мог бы делать все то, что ты делаешь в фильмах, не будучи отважным, решительным и проницательным.

Убиться можно! Конечно, очень многие путают актера с его ролями, но она-то...

– Нерисса, вы меня знаете с восьмилетнего возраста! – воскликнул я. – Вы прекрасно знаете, что я вовсе не отважен и не особенно решителен. Я самый обычный человек. Я – это я. Я тот самый мальчик, которому вы давали конфетки, когда он плакал, упав с пони, и говорили: «Перемелется – мука будет», когда оказалось, что у него не хватает куража, чтобы сделаться жокеем...

Нерисса снисходительно улынулась:

– Ничего, с тех пор ты научился драться. А в твоём последнем фильме, когда ты висел на одной руке над пропастью в тысячу футов...

– Нерисса, дорогая Нерисса! – перебил я. – Я, конечно, поеду в Южную Африку. Правда поеду. Но все эти драки в фильмах... По большей части это не я, это человек моего роста и веса, который действительно знает дзюдо. А я не знаю дзюдо. Я совсем не умею драться. То, что вы видите в фильмах, – это просто мое лицо в крупных планах. А эти утесы, на которых я висел... Конечно, скала была настоящая, но никакой опасности не было. Я пролетел бы не тысячу футов, а всего десять и плюхнулся бы в сетку вроде той, что натягивают в цирке для воздушных гимнастов. Я и падал, раза три. И вообще, там нигде не было тысячи футов, – во всяком случае, скала была не отвесная. Мы снимали в Долине скал в Северном Девоне. Там уйма маленьких площадок, на которых можно установить камеры...

Нерисса слушала, и по лицу ее было видно, что она не верит ни одному моему слову. Я понял, что бесполезно объяснять дальше: что я вовсе не первоклассный стрелок, что я не умею водить самолет и прыгать на лыжах с трамплина, не говорю по-русски, не знаю, как устроен радиопередатчик, и не смогу обезвредить бомбу, что я расколюсь, стоит кому-нибудь пригро-

зить мне пыткой... Она знала, что это неправда. Она это видела своими глазами. Это было написано у нее на лице.

– Ну ладно, ладно, – сдался я наконец. – По крайней мере, я знаю, что должно и чего не должно происходить в конюшне. По крайней мере, в Англии.

– Вот именно, – улыбнулась Нерисса. – Ты еще скажи, что это не ты проделывал все эти каскадерские трюки на лошадях в первых фильмах, где ты снимался!

Этого я сказать не мог. Трюки на лошадях проделывал я. Но что в этом такого?

– Я поеду, посмотрю на ваших лошадей и послушаю, что скажет ваш тренер, – пообещал я. И подумал, что, если тренер не знает или не пожелает объяснить мне, в чем дело, сам я вряд ли до чего-то докопаюсь.

– Милый Эдвард, ты так добр!..

Нерисса внезапно сникла в кресле, точно истратила на уговоры последние силы. Но, увидев тревогу, отразившуюся на лице Чарли – да, вероятно, и на моем, – она заставила себя улыбнуться.

– Нет еще, дорогие мои. У меня, наверно, еще месяца два... Самое меньшее два месяца.

Чарли протестующе замотала головой, но Нерисса похлопала ее по руке:

– Все в порядке, дорогая. Я привыкла к этой мысли. Но мне хотелось бы устроить все свои дела. Вот почему я попросила Эдварда разобраться с лошадьми. На самом деле, видимо, надо объяснить...

– Вам не стоит утомляться, – перебил я.

– Я... не устала... – возразила она, хотя это явно была неправда. – И мне хочется вам рассказать. Эти лошади принадлежали моей сестре Портии, которая тридцать лет тому назад вышла замуж и уехала в Южную Африку. Овдовев, она осталась там, потому что там у нее были друзья. Я несколько раз ездила к ней в гости. Да я вам про нее рассказывала.

Мы кивнули.

– Она умерла прошлой зимой, – заметил я.

– Да... это большое горе.

Похоже, смерть сестры печалила Нериссу куда больше, чем своя собственная.

– Близких родственников, кроме меня, у нее не было, и она оставила мне почти все, что унаследовала от мужа. И лошадей тоже.

Она умолкла, собираясь не столько с мыслями, сколько с силами.

– Это все были годовички. Очень дорогие. Тренер мне написал и спросил, не желаю ли я их продать, потому что из-за африканских правил карантина перевезти их в Англию было нельзя. Но я подумала, что будет забавно... то есть интересно... иметь лошадей в Южной Африке. Выставить их на скачки, а потом продать на племя. Но теперь... понимаете, к тому времени, как они достаточно подрастут, чтобы продать их на племя, меня уже не будет в живых, а цена их катастрофически упала.

– Нерисса, дорогая! – сказала Чарли. – Но разве это так уж важно?

– О да, – твердо ответила Нерисса. – Да, дорогая, это очень важно. Потому что я оставлю их своему племяннику, Данило, и мне не хочется оставлять ему что-то бесполезное. – Она посмотрела на нас. – Я не помню, вы встречались с Данило?

Чарли ответила:

– Нет.

– Пару раз, – сказал я. – Когда он был еще маленьким. Вы привозили его на конюшню.

– Да-да, было такое. А потом мой деверь, разумеется, развелся с этой ужасной женщиной, матерью Данило, и забрал его с собой в Калифорнию. Так вот... Недавно Данило вернулся в Англию. Он оказался таким славным молодым человеком! Очень удачно, не правда ли, мои дорогие? У меня ведь так мало родственников. На самом деле Данило вообще единственный

мой родственник. Не кровный, правда, – он сын младшего брата моего дорогого Джона, понимаете?

Да, конечно. Джон Кейвси, скончавшийся лет шестнадцать тому назад, был деревенский джентльмен, державший четырех охотничьих лошадей и обладавший неплохим чувством юмора. Еще у него была Нерисса (детей у них не было), брат и племянник. Он владел пятью квадратными милями Веселой Англии.

После паузы Нерисса сказала:

– Я отправлю мистеру Аркнольду – это мой тренер – телеграмму, что ты приедешь, чтобы во всем разобраться. Пусть он закажет тебе номер в гостинице.

– Не надо, – сказал я. – Он может обидеться, что вы прислали кого-то чужого разбираться с лошадьми, и откажется мне помогать. В гостинице я и сам устроюсь. Если будете посылать телеграмму, просто сообщите, что я ненадолго собираюсь в ЮАР и, возможно, загляну к нему посмотреть лошадей.

Нерисса расплылась в улыбке:

– Ну вот, видишь, мой дорогой! Значит, ты все же умеешь вести расследование!

Глава 3

Пять дней спустя я вылетел в Йоханнесбург. У меня была куча фактов, но я считал, что разобраться в них мне не под силу.

Мы с Чарли возвращались от Нериссы домой в глубочайшем унынии. Бедная Нерисса! И бедные мы! Как тяжело будет ее потерять!

– А ты только-только вернулся домой! – добавила Чарли.

– Да, – вздохнул я. – И все же... я не мог отказаться.

– Ну конечно нет!

– Хотя толку от меня будет мало.

– Ну, это еще неизвестно! Вдруг ты что-нибудь заметишь...

– Оч-чень сомневаюсь.

– Но ведь ты сделаешь все, что от тебя зависит? – с беспокойством спросила Чарли.

– Конечно, любовь моя.

Чарли покачала головой:

– Ты умнее и хитрее, чем тебе кажется.

– Как бы не так!

Чарли поморщилась. Некоторое время мы ехали молча. Потом она сказала:

– Пока ты ходил смотреть этих молоденьких стиплеров на выгоне, Нерисса мне сказала, что с ней такое.

– Да?

Чарли кивнула:

– Какое-то жуткое заболевание, называется болезнь Ходжкина. От нее распухают миндалины, или что-то еще в этом духе, и начинается перерождение клеток – хотя я не очень понимаю, что это значит. Она, по-моему, и сама не очень-то в этом разбирается. Но только это смертельно в ста процентах случаев.

Бедная Нерисса...

– И еще она мне сказала, – продолжала Чарли, – что нам она тоже кое-что оставила на память по завещанию.

– В самом деле? – Я обернулся к Чарли. – Как она добра... А что именно, не сказала?

– Смотри на дорогу, бога ради! Нет, не сказала. Она говорила, что было очень забавно составлять новое завещание и расписывать, кому какие подарки она оставляет. Она чудо, правда?

– Правда.

– Нерисса это всерьез говорила. И она так рада, что подвернулся этот племянник и что он оказался хорошим молодым человеком... Знаешь, я такого никогда раньше не видела. Она умирает и относится к этому абсолютно спокойно... и даже забавляется такими вещами, как составление завещания... И это несмотря на то что она знает... знает...

Я покосился на Чарли. По щекам у нее катились слезы. Она редко плачет и не любит, чтобы кто-то это видел.

Я стал смотреть на дорогу.

Я позвонил своему агенту и ошаршил его.

– Но... но... – промямлил он, – но ведь вы же никогда никуда не ездите и всегда отказываетесь... Вы стучали по столу и кричали, что...

– Совершенно верно, – согласился я. – Но мне нужен повод поехать в ЮАР. Так намечаются ли там премьеры каких-нибудь моих фильмов или нет?

– Ну... – Агент был в полной растерянности. – Сейчас посмотрю... Вы точно уверены, – недоверчиво переспросил он, – что, если там будут какие-нибудь премьеры, вы хотите, чтобы я сообщил, что вы приедете лично?

– Я же сказал!

– Да, только я ушам своим не поверил...

Он перезвонил через час.

– Премьер две. В Кейптауне с понедельника будет демонстрироваться «Один день в Москве». Это первый из шести восстановленных фильмов. Он, конечно, старый, но ваш приезд поможет подогреть интерес к показу. А в Йоханнесбурге будет премьера «Скал». Но это только четырнадцатого сентября, через три недели. Вас устроит?

– Нет, это поздновато... – Я поразмыслил. – Но мне надо в Йоханнесбург.

– Хорошо. Я все устрою. И... э-э... эта ваша внезапная перемена настроения распространяется на телебеседы и газетные интервью?

– Нет.

– Увы... Так я и думал.

Я забрал у Нериссы все письма от ее тренера, все южноафриканские календари скачек, вырезки из газет и журналов, которые ей присылали, и все подробности о происхождении и спортивной форме ее одиннадцати молодых аутсайдеров. Пачка бумаг оказалась толстенная, и разобраться в ней было не так-то просто.

Однако картина, которая начала вырисовываться передо мной после долгих трудов, заставила бы призадуматься любого, не только владельца лошадей. Девять из одиннадцати в начале своей скаковой карьеры демонстрировали прекрасные результаты. Всего с декабря по май они выиграли четырнадцать скачек. В худшем случае занимали одно из призовых мест.

Заглянув в списки ведущих производителей и соответствующий раздел южноафриканского журнала «Конь и пес», я обнаружил, что все лошади обладали безупречной родословной. Ну да, конечно; судя по суммам, которые выложила за них Портия, сестра Нериссы, она была не настолько богата, чтобы покупать дешевых лошадей. И тем не менее ни одна из двухлеток пока не выиграла призов достаточно, чтобы покрыть хотя бы свою начальную стоимость. А с каждым новым проигрышем их будущая стоимость в качестве племенных лошадей опускалась все ниже.

В качестве наследства эти южноафриканские лошадки были мертвым грузом.

Чарли приехала в Хитроу проводить меня. Я провел дома всего девять дней. Нам обоим казалось, что это очень мало. Пока мы ждали у стойки регистрации, к нам подошли по меньшей мере полдюжины дам, попросить автограф для своих дочек, племянниц, внуков и так далее. На нас глазели. Вскоре появился аэропортовский служащий в темной форме и предложил нам подождать в маленькой отдельной комнате. В аэропорту меня знали – я часто улетаю отсюда. Мы приняли предложение с благодарностью.

– У меня такое впечатление, словно тебя двое, – вздохнула Чарли, усаживаясь на диван. – Один – на публику, другой – мой личный. И это совершенно разные люди. Как будто у меня два мужа. Знаешь, когда я вижу тебя в кино или даже в клипах по телевизору, я потом смотрю на твои фотографии и думаю: «С этим человеком я спала прошлой ночью». И это кажется ужасно странным, потому что ты, который на публику, принадлежишь не мне, а всем этим людям, которые платят, чтобы на тебя посмотреть. А потом ты возвращаешься домой, и это снова ты, мой родной муж, а ты, который на публику, – это кто-то совсем другой...

Я посмотрел на нее с любовью.

– Кстати, тот, который твой личный я, забыл заплатить за телефон.

– А, черт! Я ж тебе двадцать раз напоминала...

– Заплатишь?

– Ну да, наверное... Но ведь счета за телефон – это твоя работа! Проверять все эти телеграммы, звонки в Америку – я ведь не знаю, кому и куда ты звонил. Если ты не будешь их проверять, с нас могут содрать лишнее.

– Что ж, придется рискнуть.

– Ну, знаешь!

– Зато эти деньги вычтут из суммы налога...

– Разве что...

Я уселся рядом с ней. Надо же о чем-то говорить – так почему бы и не о счетах за телефон? Нам давно уже не было нужды говорить друг другу вслух то, что мы все время твердили про себя. За все время совместной жизни мы всегда прощались легко и так же легко встречались снова. Многие думали, что это от безразличия. Скорее, наоборот. Мы нуждаемся друг в друге, как пчела нуждается в цветах...

Десять часов спустя, когда я приземлился в международном аэропорту имени Яна Сметса, меня встретил нервный человек с влажными руками – менеджер «Южноафриканской компании по распространению международного кинематографа».

– Венкинс, – представился он. – Клиффорд Венкинс. Очень рад познакомиться.

Бегающие глаза, рубленый южноафриканский акцент. Лет сорока. Не преуспевающий – и никогда преуспевающим не будет. Он говорил слишком громко, держался чуточку фамильярно, с потугами на добросердечность – тот тип людей, который я переношу хуже всего.

Я со всей возможной вежливостью отцепил его от своего рукава.

– Очень любезно с вашей стороны приехать меня встречать, – сказал я. Лучше бы он не приезжал.

– Ну, как же мы могли не встретить Эдварда Линкольна!

Он нервно хохотнул. И чего он так суетится? В качестве менеджера он должен встречаться с известными актерами чуть ли не каждый день...

– Машина там!

Он принялся пятиться боком впереди меня, точно краб, растопырив руки, как будто расчищал путь. Хотя народу вокруг было совсем не так много.

Я шел за ним, помахивая своим чемоданчиком и изо всех сил стараясь делать вид, будто его навязчивые знаки внимания доставляют мне удовольствие.

– Тут недалеко, – беспокойно сказал он, заискивающе заглядывая мне в глаза.

– Чудесно, – ответил я.

В здании аэропорта стояла группа человек в десять. Ну да, конечно... Их костюмы и позы с головой выдавали представителей прессы. Я совсем не удивился, когда при нашем появлении толпа ошетилилась фотокамерами и диктофонами.

– Мистер Линкольн, что вы думаете о Южной Африке?

– Эй, Линк, ну-ка, улыбочку!

– А правда ли, что...

– Нашим читателям хотелось бы знать ваше мнение о...

– Улыбнитесь, пожалуйста...

Я старался не замедлять шага, но они обступили нас со всех сторон. Я улыбнулся всем и никому и принялся давать стандартные ответы вроде: «Мне тут нравится. Я здесь в первый раз. Да, мне очень хотелось здесь побывать». В конце концов нам удалось выбраться на свежий воздух.

У Клиффорда Венкинса выступил пот на лбу, хотя здесь, на высоте шести тысяч футов над уровнем моря, было довольно прохладно, несмотря на яркое солнце.

– Извините, – сказал он. – Они бы все равно явились...

– Удивительно, откуда они узнали день и час моего прибытия! Я ведь заказал билет только вчера утром.

– Э-э... да... – проблеял он.

– Полагаю, они всегда готовы обеспечить популярность тем, кто вам нужен, – заметил я.

– О да, конечно! – радостно согласился он.

Я улыбнулся ему. Трудно винить его за то, что он использовал меня в качестве платы за былые и будущие услуги. Я знал, что моя нелюбовь к интервью многим кажется странной. Во многих странах, если не позволишь прессе подоить себя, тебя обольют грязью с головы до ног. Южноафриканцы – еще джентльмены...

Венкинс вытер лоб влажной ладонью и сказал:

– Позвольте, я возьму ваш чемодан!

Я покачал головой:

– Он не тяжелый.

К тому же я был гораздо выше его.

Мы шли через автостоянку к его машине. Я в первый раз вдыхал неповторимые запахи Африки. Смесь густых сладких ароматов, чуть отдающая затхлостью. Этот сильный, дразнящий запах преследовал меня дня три-четыре, пока наконец я не привык к нему и не перестал обращать на него внимания. Но мое первое сильное впечатление от Южной Африки – это именно ее аромат.

Слишком много улыбаясь, слишком сильно потея и слишком много болтая, Клиффорд Венкинс вез меня по дороге в Йоханнесбург. Аэропорт находился к востоку от города, на голой равнине Трансвааля, и до цели мы добирались добрых полчаса.

– Надеюсь, вам у нас понравится! – трещал Венкинс. – Нам нечасто удается... В смысле... Э-э... – Он отрывисто захихикал. – Ваш агент мне говорил по телефону, чтобы мы не устраивали никаких приемов, вечеров, встреч на радио и так далее... В смысле, обычно мы устраиваем такие встречи для звезд, которые нас посещают, – то есть, конечно, если наша компания выпускает в прокат их фильмы... Но... э-э... для вас мы ничего подобного не устроили, и мне это кажется... э-э... неправильным, но ваш агент настаивал, и потом, ваш номер... э-э... он сказал, не в городе... Не в самом городе и не в частном доме – надеюсь, вам понравится... В смысле, мы были потрясены... то есть польщены... узнав, что вы к нам едете...

«Мистер Венкинс, – устало подумал я, – вы бы добились в жизни куда большего, если бы поменьше болтали!» А вслух ответил:

– Я уверен, все будет прекрасно.

– Э-э... да. Но если вас не устраивает обычный порядок вещей, то чего бы вам хотелось? В смысле, до премьеры «Скал» еще две недели, понимаете? Так что...

На этот вопрос я решил пока не отвечать. Вместо этого я спросил:

– Насчет премьеры... Как вы намерены ее провести?

– О! – Он снова захихикал, хотя ничего смешного тут не было. – Э-э... ну... как можно больше шуму, разумеется. Приглашения. Билеты в помощь благотворительности. Ну и побольше шика, старик... то есть, в смысле... извините... ну вот. Понимаете, как только компания оправилась от шока, мы тут же решили сделать все возможное...

– Понимаю.

Я вздохнул про себя. Ничего не поделаешь, сам напросился. Надо честно вознаградить этих добрых людей за все их хлопоты.

– Послушайте, – сказал я, – если хотите и если вы думаете, что туда кто-то придет, можете организовать что-нибудь вроде приема а-ля фуршет перед показом или после него, и я туда приду. И в один из ближайших дней можете, если хотите, пригласить с утра этих ваших друзей из аэропорта и их коллег – всех, кого захотите, – чтобы мы встретились за кофе или за чем-нибудь еще. Идет?

Мой спутник обалдел. Я посмотрел на него. Рот у него беззвучно открывался и закрывался, как у рыбы.

Я хмыкнул. Ну и втравила меня Нерисса в переделку!

– А в остальное время можете обо мне не беспокоиться. Я и сам себе найду развлечения. На скачки съезжу, к примеру.

– О-о... – Он наконец справился со своей челюстью и вновь обрел дар речи. – Э-э... Я мог бы попросить кого-нибудь сопровождать вас на скачки, если вам будет угодно.

– Там видно будет, – уклончиво ответил я.

Путешествие закончилось в «Игуана-Рок», очень славной загородной гостинице на северной окраине города. Служители любезно меня приветствовали, проводили в роскошный номер и сообщили, что стоит мне хлопнуть в ладоши – и я получу все, что угодно, от ледяной воды до танцовщиц из кабаре.

– Я хотел бы нанять машину, – сказал я. Венкинс ринулся было вперед, говоря, что все уже устроено, что он уже все устроил, что по первому же зову мне подадут машину с шофером, их компания всегда рада услужить...

Я покачал головой.

– Я себе сам услужу, – сказал я. – Разве мой агент вас не предупреждал, что я намерен оплачивать все расходы сам?

– Н-ну... да, предупреждал, да, но... Компания заявила, что она с удовольствием оплатит все ваши счета...

– Нет, – отрезал я.

Венкинс нервно рассмеялся:

– Нет? Ну да, понимаю... э-э... в смысле, да...

Он еще немного побулькал и умолк. Глаза у него так и шмыгали, руки все время что-то беспокойно теребили, на губах играла бессмысленная улыбочка, он переминался с ноги на ногу... Нет, обычно я людей в такой страх не вгоняю. Господи, что ж такого наговорил ему мой агент, что его аж трясет?

Наконец Венкинс кое-как выполз из «Игуана-Рок», сел в машину и укатил. Слава тебе господи! Однако через час он позвонил мне по телефону.

– Завтра – в смысле утром – вас устроит? То есть эта, пресс-конференция?

– Да, – ответил я.

– Тогда... э-э... не попросите ли вы вашего... э-э... шофера привезти вас... э-э... к дому Рандфонтейна, в зал Деттрика... Понимаете, это вроде как гостиная, которую мы сняли, ну, понимаете, для такого случая...

– Во сколько?

– А... о... ну, скажем, в одиннадцать тридцать. Вы можете... э-э... подъехать к одиннадцати тридцати?

– Да, – коротко ответил я. После еще нескольких беканий и меканий Венкинс сказал, что будет... э-э... рад меня видеть.

Я повесил трубку, закончил распаковывать вещи, выпил кофе, вызвал машину и рванул на скачки.

Глава 4

Гладкие скачки в ЮАР проходят по средам и субботам круглый год. В другие дни тоже бывают, но изредка. Так что я счел удобным приехать в Йоханнесбург в среду утром и отправиться на единственные скачки, проходившие в тот день, – в Ньюмаркет.

Я заплатил за вход и купил программку. Один из Нериссиных неудачников должен был участвовать в одной из скачек того дня.

Ньюмаркет – он и в Африке Ньюмаркет. Трибуны, программки, лошади, букмекеры; деловитая суета; атмосфера традиций и порядка. Почти все как у нас. Я вышел в паддок, где уже вываживали участников первой скачки. Все те же кучки исполненных надежд тренеров и владельцев посреди паддока. Все те же серьезные игроки, стоящие, облокотясь на ограду, и изучающие фаворитов.

Различий было не так много. Вот разве что лошади по сравнению с английскими выглядели несколько мелковатыми, с чересчур прямыми бабками, и выводили их не белые конюхи в темных куртках, а черные конюхи в длинных белых плащах.

Ставок я делать не стал – я ставлю только на тех лошадей, о которых что-то знаю. В паддок вышли жокеи в ярких шелковых камзолах и сели в седла, лошади двинулись на скаковую дорожку, направляясь к кабинкам, – сухая и твердая, точно кость, земля звенела под копытами, – а я стал спускаться с трибун, собираясь пойти поискать тренера Нериссы, Гревилла Аркнольда. Его лошадь участвовала в следующей скачке, так что сейчас он должен был ее седлать.

Но оказалось, что искать мне никого не придется. По дороге к денникам, где седлают участников, моей руки коснулся молодой человек:

– Гляди-ка! Вы, случаем, не Эдвард Линкольн?

Я кивнул, слегка улыбнулся и пошел дальше.

– Мне, наверное, стоит представиться. Данило Кейвси. Вы, кажется, знакомы с моей тетей?

Я, естественно, остановился. Протянул руку. Молодой человек тепло пожал ее.

– Я, конечно, знал, что вы приезжаете. Тетя Нерисса прислала Гревиллу телеграмму, что вы собираетесь сюда на какую-то премьеру, и просила позаботиться о вас, когда вы будете на скачках. Так что я вроде как вас ждал.

Он говорил с тягучим калифорнийским выговором, теплым и ленивым. Я сразу понял, почему он так понравился Нериссе. Загорелое славное лицо с открытым, дружелюбным выражением, чистые непослушные светло-русые волосы – короче, все в лучших традициях американской молодежи.

– Она не говорила, что вы здесь, в ЮАР, – удивленно заметил я.

– Ну да. – Он обаятельно наморщил нос. – Наверно, она и не знает. Я прилетел сюда всего несколько дней назад, на каникулы. Ну, как там наша старушка? В последний раз, когда я ее видел, выглядела она не блестяще.

Данило весело улыбался. Он ничего не знает...

– Боюсь, она очень тяжело больна.

– Что, правда? Надо же, как жалко... Надо будет ей написать, сообщить, что я тут, и сказать, что я приехал разобраться с состоянием лошадей.

– С состоянием лошадей? – переспросил я.

– Ну да. Здешние лошади тети Нериссы выступают не сказать чтоб блестяще. Точнее, хуже некуда.

Он снова весело улыбнулся:

– На вашем месте я не стал бы ставить на номер восьмой в четвертой скачке, если хотите умереть богатым.

– Спасибо, – сказал я. – Она мне говорила, что они показывают не очень хорошие результаты.

– Ну еще бы! Честно говоря, они не пришли бы первыми, даже если бы вы дали им десять минут форы и стреножили всех соперников.

– А вы, случайно, не знаете, в чем причина?

– Понятия не имею! – Данило пожал плечами. – Гревилл просто сам не свой из-за этого. Говорит, с ним такого отродясь не бывало.

– А это не может быть вирус какой-нибудь? – предположил я.

– Не может. Иначе бы все прочие лошади тоже заболели, не только тети Нериссы. Мы это уже сто раз обсуждали, понимаете? Гревилл только руками разводит.

– Я хотел бы с ним встретиться, – заметил я как бы между прочим.

– Ага. То есть да, конечно. Только, слушайте, чего мы тут стоим на ветру? Давайте куда-нибудь прогуляемся и выпьем по кружечке пивка или чего-нибудь такого. Сейчас у Гревилла скачка, но потом он с удовольствием с нами встретится.

– Ладно, – согласился я, и мы пошли пить пиво. Данило был прав: дул холодный южный ветер, а до весны было еще далеко.

Данило было на вид лет двадцать. Ярко-голубые глаза, светло-русые ресницы, безупречные калифорнийские зубы. У него был вид мальчишки, которого еще не затронули тяготы жизни; необязательно испорченного, но привыкшего получать от жизни слишком много.

Данило сказал, что учится в университете Беркли, изучает политологию, и ему остался год до выпуска.

– На следующее лето покончу с учебой...

– А что вы собираетесь делать потом? – спросил я, чтобы поддержать разговор.

Голубые глаза задорно блеснули.

– А, не знаю! Наверно, надо найти себе какое-нибудь занятие, но пока как-то ничего не придумывается...

«Ну да, – подумал я, – что-нибудь да подвернется... Хотя золотым мальчикам вроде Данило обычно подворачивается что-нибудь приличное».

Мы вместе посмотрели следующую скачку. Лошадь Гревилла пришла третьей, проиграв совсем немного.

– Вот зараза! – вздохнул Данило. – Еще бы чуть-чуть...

– Много проиграли? – сочувственно спросил я.

– Да нет, вроде не очень. Всего несколько рандов.

Курс ранда был без чего-то два за фунт стерлингов или чуть больше одного за доллар. Так что вряд ли Данило разорится.

Мы спустились с трибун и пошли к загону, где расседлывают лошадей.

– Знаете что? – сказал Данило. – Вы совсем не такой, каким я вас представлял.

– То есть? – улыбнулся я.

– Ну, понимаете... Я думал, что такой знаменитый актер, можно сказать звезда, будет, как бы это сказать, представительнее, что ли...

– В жизни звезды экрана выглядят достаточно тускло.

Данило посмотрел на меня с подозрением. Но я вовсе не шутил. Я говорил серьезно. Сам Данило бросался в глаза куда сильнее меня. Конечно, я был на пару дюймов повыше и на пару дюймов пошире в плечах, но тут дело не в росте.

Человек, обхаживавший лошадь, которая пришла третьей, тщательно осматривавший ей ноги и оглаживавший круп, был высокий, кряжистый, с недовольным выражением на лице.

– Да, это и есть Гревилл, – кивнул Данило, проследив направление моего взгляда.

Тренер бросил несколько слов женщине, про которую Данило сказал, что это владелица лошади. Насколько я мог разобрать с расстояния двадцати футов, тон тренера был резким и отнюдь не примирительным. Я знал, что, если тренер желает сохранить душевное здоровье, ему следует обрасти толстой шкурой: постоянно извиняться и оправдываться перед владельцами, чьи лошади проигрывают, невозможно. Надо дать людям понять, что лошадь может быть прекрасно ухожена и натренирована и все же найдется другая, которая окажется более резвой. Но Гревилл Аркнольд держался просто-таки по-хамски.

Вскоре лошадей увели, и толпа начала редеть. Аркнольд, поджав губы и упрямо вскинув голову, слушал то, что говорила ему владелица. Со стороны казалось, что женщина извиняется. Наконец она замолчала. Аркнольд не сказал в ответ ничего утешительного. Женщина пожала плечами, медленно развернулась и побрела прочь.

Аркнольд поднял глаза – и взгляд его упал на Данило. Он вопросительно вскинул брови. Данило чуть заметно кивнул в мою сторону – и Аркнольд переключил внимание на меня.

Медленно оценил. И только потом подошел.

Данило представил нас друг другу с таким видом, словно мы должны быть очень рады знакомству. Так сказать, взаимная привилегия.

Замечательно.

Гревилл Аркнольд мне не понравился – ни тогда, ни потом. Но со мной он был довольно любезен: улыбнулся, пожал руку, сказал, что приятно познакомиться и что миссис Кейвси прислала телеграмму, где говорилось, что я, возможно, приеду на скачки и чтобы он обо мне позаботился.

У него был характерный южноафриканский выговор. Потом я узнал, что он, как и многие южноафриканцы, одинаково хорошо владеет и английским, и африкаанс, и зулусским. Лицо Аркнольда казалось слепленным из грубых кусков мяса, а губы, наоборот, были очень тонкие. На подбородке и на шее виднелись шрамы от старых прыщей, под носом топорщились колючие рыжеватые усы. Он улыбался и говорил приветливо, но глаза у него оставались холодными.

– Ваша лошадь бежала совсем неплохо, – заметил я для поддержания разговора.

Недавний гнев тут же вспыхнул снова.

– Эта глупая баба настояла, чтобы конь выступал сегодня, хотя я хотел выставить его в субботу! В прошлую субботу у него была тяжелая скачка в Турффонтейне, ему нужно было отдохнуть еще дня три!

– Мне показалось, что она извинялась, – заметил я.

– Да². Извинялась, конечно. Да поздно. Раньше надо было думать. А жеребчик-то хороший. В субботу он бы выиграл. Глупо получилось. Вообще владельцам всегда следует делать то, что говорит тренер. Они ведь нам платят за то, что мы в лошадях разбираемся, разве не так? Вот и слушались бы специалистов!

Я неопределенно улыбнулся. Сам будучи владельцем лошади – хотя мой конь был всего лишь средненьким меринком-стиплером, – я не мог согласиться с ним насчет «всегда». Иногда, даже чаще всего. Но не всегда. Я знал по крайней мере одного победителя Большого национального, который вообще не вышел бы на старт, если бы владелец послушался тренера.

– Я вижу, в четвертой скачке участвует лошадь миссис Кейвси, – сказал я.

Решительное выражение лица сменилось хмурым.

– Да, – сказал Аркнольд. – Наверно, она вам говорила, что ее лошади выступают не блестяще.

– Да, – кивнул я. – И что вы понятия не имеете почему.

Аркнольд покачал головой:

² Да (афр.).

– Ничего не понимаю! Ухаживают за ними так же, как и за всеми прочими. Тот же корм, те же нагрузки, все то же самое. Они не больны. Я их несколько раз ветеринару показывал. Неприятно. Очень неприятно.

– Ну да, еще бы! – сочувственно кивнул я.

– А тесты на допинг! – воскликнул он. – Мы этих тестов, наверно, сотню сделали! И результат каждый раз был отрицательный.

– А как они выглядят? – поинтересовался я. – Я хочу спросить, можно ли ожидать от них хороших результатов, судя по внешнему виду?

– Сами увидите, – пожал плечами Аркнольд. – То есть я, конечно, не знаю, насколько вы разбираетесь в лошадях...

– Должно быть, неплохо, – вмешался Данило. – В конце концов, ни для кого не секрет, что его старик был конюхом.

– Вот как? – сказал Аркнольд. – Тогда вам, наверно, будет интересно посмотреть конюшни? Может, чего посоветуете насчет лошадей миссис Кейвси, кто знает.

Судя по его ироничному тону, он считал это невозможным. Одно из двух: либо он действительно не знает, что с лошадьми, либо знает, но абсолютно уверен, что я ни до чего не докопаюсь.

– Да, я бы с удовольствием побывал у вас на конюшне, – сказал я.

– Хорошо, побываете. Как насчет завтрашнего вечера? Приезжайте к вечернему обходу, в половине пятого.

Я кивнул.

– Ну, договорились. А ты, Данило, хочешь приехать?

– С удовольствием, Гревилл.

Данило сказал, что сам заедет за мной в «Игуана-Рок».

Чинк, жеребец Нериссы, участвовавший в четвертой скачке, в паддоке смотрелся совсем неплохо. Здоровый блеск шерсти, крепкие мышцы. Он выглядел не очень мощным, но у него были умные глаза и сильные, хорошо поставленные плечи. Портя, сестра Нериссы, приобрела его годовиком и выложила за него двадцать пять тысяч рандов – за родословную. Он выиграл только одну скачку, самую первую, в апреле этого года.

– Ну, Линк, как он вам? – спросил Данило, привалившись боком к ограде паддока.

– Выглядит неплохо, – сказал я.

Чинка водили под уздцы двое конюхов, по одному с каждой стороны. Охрана у Аркнольда налажена неплохо...

Из-за прямых бабок мне трудно было определить, насколько пружинист шаг у Чинка. Все здешние лошади выглядели так, словно они ходят на цыпочках. Наверное, это из-за того, что им с рождения приходится бегать по жесткой сухой земле. По крайней мере, по дороге на старт Чинк бежал рысью не менее уверенно, чем все прочие, и из стартовой кабинки он вылетел наравне со всеми. Я следил за каждым его шагом в цейсовский бинокль с пятидесятикратным увеличением.

Первые полмили он прошел без особых затруднений, держась шестым, в самом конце лидирующей группы. Но когда лошади вывернули на финишную прямую, лидеры рванулись вперед, а Чинк нет. Я увидел, как жокей мотнул головой и принялся энергично высылать лошадь вперед. Но когда приходится делать это в течение такого долгого времени, то можно и не стараться. Чинк явно выдохся, и даже лучший жокей в мире не смог бы с этим ничего поделать.

Я опустил бинокль. Победитель миновал финишную черту, прозвенел колокол, толпа взревела, а Чинк приполз к финишу незамеченным и невоспетым, отстав корпусов на тридцать.

Мы с Данило спустились вниз, туда, где расседлывали лошадей. Гревилл Аркнольд был мрачнее тучи.

– Ну вот, – сказал он. – Сами видели.

– Видел, – согласился я.

Чинк был весь в мыле и выглядел усталым. Он стоял неподвижно, опустив голову, точно ему было стыдно.

– И что вы думаете? – спросил Аркнольд.

Я молча покачал головой. Чинк выглядел обычной медлительной лошадей, но вряд ли такое могло быть – при его-то родословной и при результатах, которые он показал в первой скачке.

Чтобы у него и у всех прочих десяти лошадей было плохое сердце, плохие зубы или заболевания крови и при этом никто ничего не заметил – такого тоже не бывает. Их же осматривал ветеринар, и не раз. И потом, одна, две, но чтобы все одновременно? Невозможно!

Они выступали с разными жокеями. Из спортивных газет Нериссы я узнал, что в Южной Африке очень мало жокеев по сравнению с Англией: всего тринадцать, плюс еще двадцать два ученика, занимающиеся на ипподроме в Натале близ Дурбана, который считается главным спортивным центром страны.

Скачки в ЮАР проходят в основном в четырех районах: Йоханнесбург в Трансваале, Питермарицбург-Дурбан в Натале, Порт-Элизабет в Восточном Кейпе и Кейптаун в провинции Кейп. Лошади Нериссы бывали во всех четырех, в каждом из которых были свои местные жокеи, – и с одними и теми же результатами.

До мая были резвые лошади, а в июне вдруг сделались медлительными клячами.

Судя по тому, как они двигаются, проблем с конечностями у них тоже быть не должно.

Не болезнь. Не допинг. На разных ипподромах. С разными жокеями.

Все говорило о том, что ответ может быть только один.

Дело в тренере.

Тренеру достаточно легко сделать так, чтобы его лошадь наверняка проиграла. Просто дать ей слишком большую нагрузку на тренировочном галопе перед самой скачкой. Немало скачек было проиграно именно таким образом, и все это приписывали случайности, потому что доказать, что это было сделано нарочно, невозможно.

Просто тренеры редко выкидывают такие штуки, потому что победа лошади приносит им куда большую выгоду. Но мне все же казалось, что виноват во всем не кто иной, как Аркнольд. И возможно, способ, который он использует, проще простого.

Так что, видимо, единственное решение проблемы Нериссы – перевести лошадей в другую конюшню.

Можно возвращаться домой и сказать ей об этом.

Только есть две неприятные загвоздки.

Во-первых, через две недели у меня премьера.

Во-вторых, может, я и догадался, кто и как портит лошадей. Но зачем – вот вопрос!

Глава 5

Когда я вошел в зал Деттрика в доме Рандфонтейна за несколько секунд до того, как пробило половину двенадцатого, господа корреспонденты – или, иными словами, плохо выбритая, нарочито небрежно одетая и нарочито развязная толпа – зевали с опасностью вывихнуть челюсти.

Клиффорд Венкинс встретил меня в холле. Он был такой же дерганый, как и накануне, и руки у него были совсем уж мокрые. Мы вместе поднимались на лифте. По дороге Венкинс подробно перечислял, кого именно он пригласил и кто из них пришел. Интервьюеры с двух радиостанций. «Надеюсь, вы не будете возражать?» Они будут очень рады записать мои ответы на их вопросы. «Вы не будете возражать?» И еще всякие газеты, еженедельники, дамские журналы, и еще пара людей, которые специально прилетели из Кейптауна и Дурбана...

Ох, и зачем я только это предложил? Ладно, взялся за гуж...

«Единственное, что мне остается, – подумал я, когда лифт с шипением остановился и двери раскрылись, – это играть. Устроить что-то вроде представления».

– Подождите минутку! – сказал я Венкинсу.

Двери лифта закрылись у нас за спиной.

– В чем дело? – испуганно спросил Венкинс, остановившись рядом со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.